

БИОГРАФИЯ

Евгения Васильевна Круглова родилась в Ленинграде в 1921 году.

Когда началась война, Жене едва исполнилось 20 лет, она училась на втором курсе Ленинградского текстильного института. Так вспоминает сама Евгения Васильевна о первом дне войны : «В воскресенье мы с отцом проснулись от странного шума. Все люди выбегали из своих подъездов и кричали: «Война! Война!» Как молния пронзило чувство тревоги и смятения, показалось сначала, что это какая-то злая шутка. Но взглядевшись в лица людей, я поняла, что начинается что-то страшное».

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ

По словам Евгении Васильевны, вся ленинградская молодёжь, начиная с тринадцатилетних подростков, бросилась в военкоматы; очереди были огромные - все хотели записаться в добровольцы. Три дня с утра до позднего вечера стояла Евгения Васильевна в одной из таких очередей. Но вышел комендант и попросил всех разойтись по домам, добавив, что и здесь работы хватит всем – впереди защита Ленинграда. Толпа с недовольством стала расходиться. Никто не мог даже подумать, что Сталин подпустит немцев к Ленинграду. Далее, на протяжении всей беседы, Евгения Васильевна вздыхала: «А ведь фашисты были всего в трёх километрах от города, а нам говорили, что в десяти».

Евгения Васильевна рассказывает о последствиях страшного времени: «Посмотрите, в помещении всегда хожу в валенках, на окопах ноги сильно застудила – рыли в четырёх километрах от города, в ледяной воде с утра до вечера, а во время взятия города в немецкое кольцо окружения, эти окопы фашистам только помогли».

Блокада. Ленинградцы роют окопы

«Да,- тяжело вздыхает Евгения Васильевна,- многое было не продумано, решения принимались поспешно, времени на раздумья не было. В результате за годы блокады около 850 тысяч мирных жителей, если бы руководство Ленинграда приняло меры по своевременной эвакуации

жителей и сохранению продовольственных запасов. Продовольствие находилось в старых, незащищённых с воздуха Бадаевских складах, и достаточно было одной бомбардировки, чтобы обречь город на голодную смерть. А ведь можно было и не допускать тех кошмарных 900 дней».

Далее участница блокадных событий рассказывает, что вся тяжесть голодного существования в промёрзшем заблокированном городе легла на плечи рядовых ленинградцев. Но самым трагическим периодом была зима 1941-1942 годов. Чувствуется, как тяжело даются воспоминания о тех днях: «Выйдешь на улицу за хлебом, а кругом холодная тишина и трупы, трупы... Многие вообще не выходили из дома, лежали под одеялами целыми семьями, берегли силы – так и умирали, обнявшись друг с другом».

Фашисты забрасывали город листовками со словами: «Мы в Петрограде! Сдавайтесь, иначе все погибнете!» По радию немецкий офицер призывал жителей выходить из города, и только наше радио подбадривало музыкой, песнями, выступлениями измождённых ленинградцев. По мнению Евгении Васильевны, самый трагический момент был тогда, когда жителям стали раздавать взрывчатку: в случае сдачи фашистам города нужно было взрывать не только все заводы, фабрики, склады с продовольствием, но и сердце Кронштадта – Балтийский флот. Если Сталин подписал такой приказ, значит дела были совсем плохи.

В эту суровую зиму Евгения Васильевна идёт работать в госпиталь санитаркой: работающим было положено не 125 грамм, а все 250. Хлеб, со слов блокадницы, только так назывался, а на самом деле напоминал скорее сгустки клея вперемешку с опилками.

Санитарки в блокадном Ленинграде

После тяжёлого рабочего дня Евгения Васильевна со своими подругами поднимались на крышу дома и помогала двенадцатилетним мальчишкам и девчонкам сбрасывать вниз фугасные бомбы. Стальной дождь из фугасок повторялся почти каждую ночь. Вот так и проходили блокадные дни – днём в госпитале, а ночью на крыше, поспать удавалось редко и где придётся.

Только в мае 1942 года наши войска буквально прогрызли укреплённые позиции противника, образовав коридор в 8 – 10 километров. В это время Евгения Васильевна покинула Ленинград. Но трудности ещё не закончились. Обиднее всего умереть в дороге, когда, казалось, всё позади. А такие случаи она помнит: «Ехала я в Ульяновскую область, на родину отца, и по нелепой случайности оказалась в Казани. Пошла по эвакуационному листу получать тарелку супа и кусок хлеба и увидела жуткую картину: две женщины-блокадницы так и умерли, сидя за столом, на котором стоял нетронутый блокадный паёк».

ИЗ ЛЕНИНГРАДА - В БОЛЬШИЕ КЛЮЧИЦЫ

«Жизнью своей я обязана одной женщине –военному врачу, – продолжает Евгения Васильевна, - я даже не знаю её имени, но молюсь за её здоровье (хотя, может быть, она погибла в те военные годы). Из Казани мне нужно было ехать в Ульяновскую область. Деньги кончились, по эвакуационному листу билет уже не давали, так же как и паёк. Вот присела я на корточки, а на вокзальном перроне все бегут, суетятся, никому до меня нет дела. Чувствую, сознание куда-то уходит, тепло разливается по всему телу. Мелькнула мысль: « Ну, отмучилась». Вдруг сознание вернулось – передо мной женщина в военной форме, спрашивает меня о чём-то. Я сумела выдать одно слово: блокадница. Врач взяла меня под руки и повела в какой-то вагон; помню, там было сено и лошади, там стоял необычный запах, от которого у меня закружилась голова и потемнело в глазах. Помню, подошёл с проверкой комендант и стал выгонять нас из вагона. Женщина-врач выхватила у себя из кобуры пистолет и крикнула: «Через день я должна быть на фронте, если ты не закроешь дверь, я выстрелю!» Мужчина-комендант сделал шаг назад, махнул рукой и сказал в сердцах: «Да чёрт с вами! Езжайте! Господи, что с бабами сделала война!»

На вопрос, что помогло выжить в тяжёлые годы блокады, Евгения Васильевна отвечает кратко: «Молодость, вера в свой народ, долг перед родиной и, конечно же, добрые, хорошие люди – их я на своём жизненном пути встретила больше, чем плохих.»

На стене у Евгении Васильевны - портрет Г.К. Жукова, на полке - книги, посвящённые маршалу. Она уверена, что блокадное кольцо было разорвано только благодаря умелому руководству товарища Жукова. Поэтому свой рассказ она заканчивает словами Жукова. Евгения

Васильевна встала, выпрямилась и голосом, исполненного чувством патриотизма и гордости за свой народ, произнесла: «Истощённые от голода и холода ленинградцы, под непрерывными артиллерийскими обстрелами и бомбёжками, мужественно, каждый на своём посту, стояли на смерть, чтобы спасти свой город».

■